

ЯТЪ,

или
Смерть в новогоднем
экспрессе

Детективные истории Нины Платоновой

Милана Панова

**Ять или Смерть в
новогоднем экспрессе**

«Автор»

2026

Панова М.

Ять или Смерть в новогоднем экспрессе / М. Панова — «Автор»,
2026 — (Детективные истории Нины Платоновой)

Новогодняя ночь, специальный поезд «Литературный экспресс», шампанское, писатели и коллекционеры. В полночь в вагоне-ресторане должен состояться аукцион: найденная после ста пятидесяти лет утраченная глава великого романа. Но главный эксперт, профессор-палеограф, за час до торгов найден мёртвым в запертом купе. А за окном метель, поезд встал в чистом поле, связи нет, и до утра никто не выйдет. Корректор Нина Платонова, которая согласилась поехать «просто почитать рукопись», замечает в записке профессора три странные строчки. В них одна ошибка, которую не сделал бы ни один человек той эпохи. Книга самостоятельная, читать можно отдельно от предыдущих частей.

© Панова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Билеты на тридцать первое	5
Глава 2. Вагон имени Ветлугина	8
Глава 3. Рукопись под стеклом	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Милана Панова

Ять или Смерть в новогоднем экспрессе

Глава 1. Билеты на тридцать первое

Тихоречье в конце декабря похоже на открытку, которую кто-то забыл отправить: заснеженные крыши, дым из труб, фонари в мохнатых шапках и одинокий трамвай, который в предновогодние дни ходит с гирляндой вдоль окон и очень этим гордится.

Я стояла на крыльце издательства «Красная строка» с кружкой горячего чая и смотрела, как Агафья Тихоновна развешивает на двери венок из еловых веток и бумажных запятых. Венок получался красивый, но слегка кривой, потому что снизу ей помогал Абзац, который считал своим долгом тянуть за ленточку.

— Нина Сергеевна, — сказала Агафья Тихоновна, не оборачиваясь. — Вы поедете?

— Не знаю.

— Как «не знаю»? Маргарита Викторовна вчера весь вечер с билетами ходила. Говорит: «Литературный экспресс», специальный поезд, новогодняя ночь, писатели и коллекционеры. Я бы и сама поехала, да куда мне, у меня пироги.

— Я боюсь.

— Чего?

— Что опять что-нибудь случится.

— Так оно всегда случается, — спокойно сказала Агафья Тихоновна. — Вы человек такой. Куда ни приедете, там книжка с приключениями. Но, Ниночка, ведь вы не виноваты.

Я улыбнулась. Эклер, сидевший у моих ног на ступеньке, поднял голову и посмотрел на меня с такой укоризной, что стало понятно: он уже всё решил. Ехать, и не просто ехать, а с корзинкой, которую он давно приглядел.

Меня зовут Нина Платонова, и я корректор. Тот самый, который в июле помог поймать убийцу писателей на дачной реке, а в октябре нашёл тайный тираж и человека, который его прикрывал. С тех пор прошло два месяца. Я работаю заместителем директора по редакционной работе в издательстве «Красная строка», вычитываю чужие тексты красным карандашом и стараюсь не заходить туда, где слишком много тайн и слишком мало свидетелей. Получается не всегда. Если вы читали про мои прежние истории, то знаете. Если не читали, ничего страшного: эта книга самостоятельная, и всё нужное я расскажу по ходу дела.

— Нина! — раздалось с улицы.

Я обернулась. По сугробам, смешно задирая ноги, к нам бежала Катя в красной шапке с помпоном и огромных варежках. За ней, неторопливо, с пакетом в руке, шёл Андрей.

— Нина Сергеевна, — выпалила Катя, останавливаясь. — Папа взял отпуск!

— Правда?

— На три дня. Впервые за два года. Я думала, не доживу.

— Катя, — сказал Андрей, подходя. — Это не совсем отпуск. Это... перерыв.

— Папа, ты бледный от переработки. Маргарита Викторовна сказала, что в поезде отличная кухня.

— Она так и сказала?

— Да.

Андрей посмотрел на меня поверх очков. Он выглядел усталым, но в глазах была тёплая, чуть смущённая искра, которую за последние месяцы я научилась узнавать.

— Нина, — сказал он. — Тебя уговорили?

— Пока нет.

— Мы можем уговорить.

— Мы?

— Я привёз мандарины.

Он достал из пакета оранжевую горсть. Запах разлился по крыльцу, и вокруг сразу стало теплее. Эклер потянулся носом, чихнул, потом уселся и вежливо уставился на пакет.

— Подкуп, — сказала я.

— Профессиональный приём.

— Хорошо. Поеду.

— Ура! — закричала Катя и бросилась мне на шею.

Маргарита Викторовна появилась в дверях через минуту, как будто всё это время стояла за косяком. На ней было тёмно-зелёное пальто с меховым воротником, на голове маленькая шляпка с вуалью, на руках перчатки цвета слоновой кости. Всё это выглядело немного театрально, но именно так и должна выглядеть женщина, которая едет в поезде, где будут разыгрывать литературное сокровище.

— Нина Сергеевна, — сказала она. — Рада, что вы решились. Я уже боялась ехать одна.

— А как же Абзац?

— Остаётся с Агафьей Тихоновной. У него насморк, ему вредно качаться.

Из-за её ног выглянул бульдог с мокрым носом и тяжело вздохнул, будто понимал, что остаётся в стороне от большой истории.

— Но почему вы едете? — спросила Катя. — Я так и не поняла.

— Объясню по дороге, — сказала Маргарита Викторовна. — Но вкратце: на этом поезде в новогоднюю ночь будет аукцион. Продаётся рукопись. Известная глава романа Николая Ветлугина «Туманы Заречья».

Я замерла.

— Ветлугина?

— Именно.

Если вы не учились на филфаке, то объясню: Николай Ветлугин жил в девятнадцатом веке, написал один великий роман и умер, не дописав последней главы. Эту главу искали полтора века. Литературоведы спорили, дописывал ли он её вообще. Школьники плакали над «Туманами Заречья» на уроках литературы. Колоссальная была фигура, как говорят, в русской прозе после Тургенева и до Толстого.

— Но как? — спросила я. — Её же потеряли.

— Её нашли. Три месяца назад. В деревне под Тверью, в сундуке на чердаке старого дома. Антиквар из Москвы выкупила дом, разбирала хлам и наткнулась на пачку листов, перевязанных шнурком. Профессор из Петербурга, знаменитый палеограф Штерн, признал рукопись подлинной.

— И её продают?

— На аукционе. В поезде. — Маргарита Викторовна помолчала. — Это не обычный аукцион. Антиквар хочет продать рукопись одному человеку. Тому, кто сможет её сохранить и показать людям. В поезде едут пять претендентов: коллекционеры, представители музеев, один частный фонд. И я.

— Вы?

— Я хочу, чтобы «Красная строка» получила право издания первой публикации. Это будет настоящая сенсация. Но, Нина Сергеевна, для этого мне нужен человек, который проверит текст. Прочтёт каждое слово. А язык там, как вы понимаете, дореформенный.

— То есть с ятями?

— С ятями, ерами, фитами и прочей красотой. — Она улыбнулась. — Я читаю свободно. Но для верности мне нужен ещё один взгляд.

Я кивнула. Внутри у меня уже что-то заныло сладко и тревожно, как бывает, когда видишь незнакомое слово и очень хочется найти ему место.

— Когда отправление?

— Завтра в шесть вечера. С Тихоречского вокзала. Спальный вагон. До Петербурга двенадцать часов.

— В новогоднюю ночь мы будем в пути, — заметил Андрей.

— Это часть программы, — сказала Маргарита Викторовна. — Праздник на колёсах.

— Звучит замечательно, — сказала я неуверенно.

— Звучит подозрительно, — сказал Андрей. — Но я ничего не говорил.

Мы засмеялись. Эклер, воспользовавшись общей беспечностью, утащил из пакета мандарин и деловито покатил его по крыльцу. Мандарин докатился до края ступеньки, упал в сугроб и исчез.

— Вот так всё и исчезает, — философски заметила Катя.

И в тот момент, на заснеженном крыльце, под ёлочным венком и бумажными запятыми, никто из нас не знал, что до Нового года останется очень мало, а до чужой смерти ещё меньше.

Глава 2. Вагон имени Ветлугина

Вокзал в Тихоречье маленький, жёлтый, с башенкой и часами, которые уже сто лет показывают на восемь минут вперёд. Мы пришли заранее, в пять сорок, чтобы успеть занять места. На перроне стоял поезд.

Это был действительно особенный состав. Не современный скоростной, а старомодный, будто сошедший с картинки: тёмно-синие вагоны с золотой полосой, на борту которых красовались имена писателей. «Пушкин», «Гоголь», «Чехов», «Тургенев». В голове состава паровозик в гирляндах, в хвосте вагон-ресторан с красными занавесками. Над ним, на брезентовом полотнище, надпись: «Литературный экспресс. Новый год с классикой».

— Ого, — тихо сказала Катя. — Это как в кино.

— Это как в детстве, — сказала Маргарита Викторовна.

Нам достались места в вагоне «Тургенев». Купе на четверых, красный плюш, зеркала в бронзовых рамах, на столике лампа с зелёным абажуром. Окно маленькое, с кружевной занавеской. Эклер, едва оказавшись внутри, запрыгнул на верхнюю полку, огляделся с видом владельца и решительно улёгся на подушку.

— Он уже занял, — сказала Катя.

— Не возражаю, — сказала я. — Пусть спит.

В коридоре послышались шаги и негромкий голос:

— Дамы и господа, добро пожаловать на борт! Меня зовут Степан Игнатьевич, я ваш проводник. Если что нужно, обращайтесь. Чай, плед, ночной колпак, расписание.

Мы выглянули. В проходе стоял круглолицый, добродушный человек лет пятидесяти пяти, в форменном синем кителе и фуражке набекрень. В руках у него был поднос с гранёными стаканами в серебряных подстаканниках, от которых шёл пар.

— Это что? — спросила Катя.

— Чай. По традиции. — Он подмигнул. — Поезд-то у нас литературный, значит, и чай должен быть классический.

Я взяла стакан. Он был горячий, тяжёлый, с чеканкой: на подстаканнике витиеватая надпись «Литературный экспресс», дата, год. Чай пах мятой и чем-то ещё, неуловимо тёплым и домашним.

— Спасибо, Степан Игнатьевич.

— Не за что. Кстати, ужин в восемь, в вагоне-ресторане. Форма одежды свободная, но дамы, как правило, нарядные. У нас сегодня гости серьёзные.

— Какие?

— Профессора, коллекционеры. Один даже, говорят, миллионер.

— Ржевский? — сказала Маргарита Викторовна.

— Он самый, Борис Аркадьевич. Нервный человек, но щедрый на чаевые.

Проводник откланялся и пошёл дальше. Поезд тронулся мягко, без толчка, и перрон начал медленно уплывать назад, вместе с вокзальной башенкой, часами, елью у входа. За окном проплыли знакомые крыши, потом лес, потом поля, засыпанные снегом, ровные и белые, как чистые листы.

Я смотрела на этот белый простор и чувствовала то особое спокойствие, которое бывает только в дороге, когда все дела остались позади, а новые ещё не начались.

В восемь мы пошли ужинать.

Вагон-ресторан «имени Ветлугина» оказался настоящей драгоценностью. Тёмное дерево, медные светильники, белые скатерти, на каждом столе вазочка с живыми гвоздиками. На стенах висели портреты писателей в рамах, а на потолке, под стеклянными плафонами, мерцали

крошечные электрические свечи. В дальнем конце, на небольшом помосте, стояло пианино, и пожилая женщина в чёрном платье тихо играла вальс.

За длинными столами сидело человек тридцать. Я сразу выхватила из толпы знакомые типы: профессоров в вельветовых пиджаках, дам с жемчугом и очками на цепочках, юных аспирантов с блокнотами, блогеров с телефонами. Над всем этим висел негромкий, приятный, интеллигентный гул.

— Маргарита Викторовна! — раздался голос.

К нам шла, раскинув руки, высокая женщина лет пятидесяти пяти, в бордовом платье, с зачёсанными назад серебряными волосами и острым, умным лицом. Она держалась очень прямо, а улыбалась широко, как человек, привыкший улыбаться по долгу службы.

— Эльза Карловна, — сказала Маргарита Викторовна. — Какая встреча.

— Дорогая! — Они обнялись. — Вы с компанией? Прекрасно. Позвольте представить: наш организатор, директор фонда «Русская словесность». А это...

— Нина Сергеевна Платонова, — сказала Маргарита Викторовна. — Главный корректор и мой заместитель.

— Очень приятно, — сказала Эльза Карловна, и я почувствовала, как её взгляд мгновенно меня просканировал. — Слышала о вас. Это вы разоблачили Вольского?

— Это... получилось само.

— Конечно, само, — улыбнулась она. — Садитесь, прошу. Вот ваши места.

Нас посадили за стол в центре. Напротив оказалась странная компания. Справа сидел грузный, краснолицый мужчина лет шестидесяти пяти, с аккуратно подстриженными белыми усами, в тёмном костюме и с бриллиантовой булавкой в галстук. Он говорил громко, жестикулировал и всё время поглядывал на часы. Слева от него разместились стройная женщина в чёрном, лет сорока девяти, с гладким лицом, тонкими губами и очень внимательными тёмными глазами. Она ела мало, смотрела по сторонам и, кажется, ни разу не улыбнулась.

— Борис Аркадьевич Ржевский, — шепнула мне Маргарита Викторовна, едва заметно кивнув на усатого. — Коллекционер. Один из богатейших людей в России, не считая нефтяных. Владеет частным музеем в Подмосковье.

— А она?

— Валентина Игоревна Зорина. Антиквар. Та самая, что нашла рукопись.

Я посмотрела на неё. Валентина Игоревна подняла глаза, поймала мой взгляд и слегка кивнула, холодно, вежливо, как кивают знакомым, с которыми не хочется общаться.

— Вы корректор? — спросила она.

— Да.

— Очень кстати. — Она отпила воды. — Мне говорили, что вы читаете старую орфографию.

— Немного.

— «Немного» это скромно или честно?

— Честно. Я знаю правила и стихотворение про ять. Но не берусь утверждать, что отличу подлинник от подделки.

— Подделки?

— Любого текста. Профессионал тут Штерн.

— Леонид Маркович, — с лёгким раздражением сказала Валентина. — Да, он величина. Но, согласитесь, даже величины иногда ошибаются.

— Это прозвучало как предупреждение.

— Это прозвучало как комплимент, — сказала Валентина. — Я люблю людей, которые знают, что могут ошибаться.

Мне показалось, что за этой фразой скрывается что-то другое, но я не успела понять.

В этот момент пианино замолчало, и Эльза Карловна поднялась на помост.

— Дорогие гости! — зазвенел её голос. — Друзья! Мы счастливы приветствовать вас в «Литературном экспрессе». Сегодня особая ночь. В течение двенадцати часов мы будем путешествовать по заснеженной России, пить шампанское, читать стихи и вспоминать о классиках. А в полночь, ровно в двенадцать, в вагоне-ресторане состоится торжественное событие: аукцион по продаже рукописи Николая Ветлугина.

В зале загудели.

— Рукопись, как вы знаете, — продолжала Эльза Карловна, — была найдена три месяца назад. Её подлинность подтвердил один из крупнейших палеографов страны, профессор Леонид Маркович Штерн. Леонид Маркович, прошу вас.

С дальнего края стола поднялся высокий, сутулый человек лет семидесяти, с белой бородой и пенсне на шнурке. Он двигался медленно, осторожно, словно боялся задеть что-то хрупкое. В руках у него была трость с серебряным набалдашником, а на лице выражение мягкой, смущённой любезности.

— Благодарю, — сказал он негромко. — Я не оратор. Я привык разговаривать с бумагой. Скажу только одно: рукопись, которую вы увидите сегодня, это одно из самых удивительных открытий последних лет. Я работаю с автографами сорок пять лет. И давно не испытывал такого волнения.

В зале зааплодировали. Штерн слегка поклонился.

— Он какой-то грустный, — шепнула мне Катя.

— Он просто старый, — шепнула я в ответ.

Но, глядя на него, я вдруг подумала, что в профессоре действительно есть что-то странное. Не грусть, нет. Скорее напряжение. Так сидят люди, которые собираются сказать что-то очень неприятное и ждут подходящего момента.

Ужин был превосходный. Подавали стерлядь под соусом, утку с яблоками, пироги с вязигой, ягодные морсы и настоящий киевский торт. К десяти зал оживился, зазвенели бокалы, послышались тосты. Катя, севшая рядом с молодым аспирантом по имени Глеб Тарасов, оживлённо разговаривала с ним о чём-то, смеялась, и я заметила, как Андрей, сидевший напротив, всё чаще бросает на неё внимательные отцовские взгляды.

— Он ассистент Штерна? — тихо спросила я Маргариту Викторовну.

— Да. Двадцать шесть лет, очень способный.

— Андрей волнуется.

— Знаю. — Она улыбнулась. — Это нормально. Отцы всегда волнуются.

К одиннадцати Эльза Карловна объявила перерыв. Гости стали расходиться по купе, чтобы переодеться к полуночному торжеству. Я осталась за столом, допивая морс, и вдруг заметила, что Штерн сидит один, у окна, неподвижно, глядя в темноту.

Я встала, подошла.

— Леонид Маркович?

Он вздрогнул.

— Ах, да. Нина Сергеевна. Простите. Задумался.

— Вам нехорошо?

— Нет, нет. Просто... — Он провёл рукой по лицу. — Вы читаете по-старому?

— Немного.

— Это очень хорошо. — Он посмотрел на меня внимательно, и мне показалось, что в его глазах что-то блеснуло, не то страх, не то надежда. — Завтра утром, когда проснёмся, я хотел бы показать вам одну страницу. Только вам. Хорошо?

— Конечно.

— Не говорите никому.

— Хорошо.

— И, Нина Сергеевна... — Он помедлил. — Всегда проверяйте ять.

— Что?

— Ять, — повторил он. — Многие считают, что это просто буква. Но это самая честная буква русского алфавита. Её нельзя подделать, не зная языка. — Он слабо улыбнулся. — Спокойной ночи.

Он встал, тяжело опираясь на трость, и медленно пошёл по вагону. Я смотрела ему вслед и не понимала, почему у меня внутри так странно, холодно кольнуло.

Глава 3. Рукопись под стеклом

В половине двенадцатого вагон-ресторан изменился до неузнаваемости. Столы сдвинули к стенам, в центре освободили место, и на возвышении, под стеклянным колпаком, который могли охранять только суеверия и три бдительных дамы в белых перчатках, лежала рукопись.

Я подошла, как подходят к святыням: тихо, осторожно, затаив дыхание.

Это были желтоватые листы в шесть-восемь ладоней длиной, исписанные мелким, чёрным, наклонным почерком. Чернила местами выцвели до коричневого, местами проступали синеватыми вспышками. Края бумаги истрепались, на сгибах виднелись тонкие трещинки. Лист лежал в раскрытом виде, под светом лампы с зелёным абажуром, и каждая строка казалась живой.

«Глава двадцать вторая. Последняя.

Туманъ поднимался надъ рѣкой медленно, какъ дыханіе спящаго великана...»

Я невольно начала читать, шёпотом. Старая орфография, с ятями, ерами и десятиричными «і», слегка потрясла меня. Это была не гимназическая учебная проза, а живое, плавное, чудесное письмо, как у человека, который не думает о правилах, а просто видит то, что пишет. Я прочла абзац. Потом ещё один.

— Красиво? — услышала я шёпот.

Рядом стояла Маргарита Викторовна. Глаза у неё блестели.

— Очень.

— Это он. Ветлугин. Я чувствую. Знаете, Нина Сергеевна, за сорок лет работы я читала столько рукописей, что научилась узнавать голос автора без подписи. Это его голос.

— Вы уверены?

— Я никогда не бываю уверена. — Она улыбнулась. — Но очень хочу, чтобы это было так.

Я снова посмотрела на лист. Что-то зацепилось в глазу, как соринка, но я не могла понять, что именно. Орфография безупречна. Почерк ровный. Бумага старая. Чернила правильные. Всё как положено. Но корректорское чувство, то самое, которое просыпается, когда на странице что-то не на месте, шевелилось у самого края сознания, слабо и упрямо.

— Нина, — тихо сказал Андрей. — Ты что-то заметила?

— Не знаю.

— Но чувствуешь?

— Чувствую. Но не могу объяснить. — Я покачала головой. — Наверное, просто устала.

— Тогда пойдём. Скоро начнётся.

К двенадцати без четверти в вагоне собрались все. Ржевский сидел в первом ряду, красный, потный, нетерпеливый. Валентина стояла у стола с рукописью, прямая и неподвижная. Эльза Карловна поправляла микрофон. Штерна нигде не было.

— Где профессор? — тихо спросила Маргарита Викторовна.

— Сказал, что голова болит, — ответила Эльза Карловна. — Ушёл в купе.

— Но он должен подтвердить подлинность перед аукционом.

— Он уже подтвердил. Письменно. Вот заключение.

Она показала папку.

— Но всё-таки, — начала Маргарита Викторовна.

— Маргарита Викторовна, — мягко сказала Эльза Карловна, — давайте не будем портить праздник.

Она повернулась к залу.

— Дамы и господа! До Нового года осталось пятнадцать минут. Но прежде чем мы поднимем бокалы, позвольте начать аукцион. Лот номер один: рукопись Николая Ветлугина, глава двадцать вторая «Туманов Заречья». Начальная цена — три миллиона рублей.

— Пять, — сказал Ржевский.

В зале ахнули.

— Пять миллионов от господина Ржевского. Кто больше?

— Шесть, — раздался женский голос.

Я обернулась. Это сказала полная дама в сиреновом платье, представитель какого-то музея. Ржевский медленно повернулся к ней, и лицо у него стало как у человека, которому наступили на любимую мозоль.

— Семь.

— Восемь.

— Десять, — сказал Ржевский.

Тишина.

— Десять миллионов рублей, — повторила Эльза Карловна. — Кто больше? Десять миллионов раз...

— Одиннадцать, — сказал кто-то из глубины зала.

Все повернулись. Говорил молодой человек в кожаной куртке, с бородкой и дорогими часами. Блогер, как я потом узнала. Он снимал происходящее на телефон и, по-видимому, решил поучаствовать в игре.

— Одиннадцать. — Он улыбнулся. — Я готов.

— Двенадцать, — холодно сказал Ржевский.

— Тринадцать.

— Пятнадцать.

Блогер пожал плечами и опустил телефон.

— Пятнадцать миллионов, — сказала Эльза Карловна. — Раз... два...

— Простите, — вдруг раздался чёткий голос.

Мы обернулись. В дверях вагона стоял Степан Игнатьевич. Лицо у него было странное, растерянное, почти испуганное. Фуражка съехала набок, а руки слегка тряслись.

— Что такое? — недовольно спросила Эльза Карловна.

— Простите, но... — Он сглотнул. — Мне нужен доктор. Или... полицейский. У нас в вагоне «Тургенев» человек не отзывается. Дверь заперта изнутри.

— Какой человек?

— Профессор Штерн, — сказал проводник. — Он не открывает. Я стучал десять минут.

В вагоне стало очень тихо. Даже Ржевский перестал жевать губу.

Андрей поднялся первым.

— Я полицейский, — сказал он. — Веди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.